

И. В. ЛЬВОВА *

Р. БЛЭКМУР О ДОСТОЕВСКОМ: ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ

В статье рассматриваются особенности рецепции творчества Ф. М. Достоевского американскими критиком Р. Блэкмуром в контексте развития идей «новой критики» в американских исследованиях творчества Достоевского 1940–1950-х гг. В отечественном литературоведении подобный анализ предпринят впервые, что обусловило новизну и актуальность исследования. Показывается, как в критическом методе Блэкмура используется метод закрытого прочтения, символического толкования и символических оппозиций, анализируются абберации, происходящие в процессе интерпретации романов Достоевского. Доказывается значение работ Р. Блэкмура для американского достоевсковедения и их влияние на формирование американской рецепции творчества русского писателя.

Ключевые слова: новая критика, старая критика, рецепция, творчество Ф. М. Достоевского, Р. Блэкмур, символические оппозиции.

Национальная специфика восприятия творчества писателя иной культуры определяется множеством факторов, формирующих так называемое «встречное течение», поэтому изучение рецепции писателя в иноязычной среде охватывает как явления наиболее значимые (переводы, исследования, суждения влиятельных писателей и критиков своего времени), так и менее известные, но оказавшие влияние на восприятие писателя в определенный период.

Работы о Достоевском одного из виднейших критиков середины XX в., основоположника «новой критики» профессора Принстонского университета Р. Блэкмура (1904–1965) мало известны, однако они оказали существенное воздействие на формирование собственно американской рецепции Достоевского, способствовали переосмыслению сложившихся представлений о творчестве русского писателя.

Американская рецепция Достоевского — феномен послевоенного периода, именно в это время возникает «встречное течение» в культуре

---

* Ирина Вильевна Львова, д-р филол. наук, профессор кафедры германской филологии Петрозаводского государственного университета — ilvovaster@gmail.com

Irina Vilyevna Lvova, Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology, Petrozavodsk State University.

США — усиливается интерес к русскому писателю, появляются новые переводы, исследования его творчества, зарождается американское достоеведение, в свою очередь оказавшее влияние на восприятие Достоевского.

В предшествовавший период рецепция творчества писателя в США формировалась под европейским влиянием так называемого «культа» Достоевского 1910–1920-х гг. и, по мнению исследователей, отличалась лишь ослаблением интереса к нему¹. Достоевский был представлен как мистик, философ, пророк, психолог, выразитель русской души. В послевоенный период возникает потребность в переосмыслении сложившихся представлений о нем, именно в это время появляется интерес к открытиям Достоевского-художника, а проблемы поэтики в изучении Достоевского выдвигаются на первый план. В этом огромная заслуга «новой критики» и, в частности, Р. Блэкмура.

Цель данной статьи — представить критическое творчество Блэкмура о Достоевском, определив его место в формировании американской рецепции Достоевского.

Работы Блэкмура о Достоевском публикуются с 1942 г., позднее шесть статей вошли в книгу «Одиннадцать эссе о европейском романе»². Таким образом, Блэкмур одним из первых наметил новое направление в прочтении Достоевского, которое выражалось в «объективном» анализе произведений, сосредоточенном на проблемах формы, метода, приемах создания художественного образа и т. д.

Важно отметить, что работы Блэкмура, посвященные Достоевскому, были созданы во второй период его критической деятельности, когда Блэкмур разрабатывал собственную методологию и теорию искусства. Творчество Достоевского используется Блэкмуром прежде всего для того, чтобы обосновать собственные воззрения на литературу и сформулировать положения собственной критической теории.

Взгляды Блэкмура этого периода имеют особенности, отличающие его от «новых критиков», что заставило исследователей его творчества говорить о том специфическом месте, которое занимает критическое наследие Блэкмура в общем направлении «новой критики»³.

Так, Блэкмур, в отличие от «новых критиков», намеренно избегает системы. Как пишет о нем Дж. Джонс, «Блэкмур является абсолютным скептиком в критике и скептиком до такой степени, что он даже высказанные им положения принимает лишь как возможные суждения. Опыт, а не понимание, является целью его лучших эссе, даже в теоретических разделах своих работ он всегда подчеркивал их условность»⁴.

---

¹ См., например: *Davenport M. The Vogue of F. Dostoevsky in England and the United States. The University of Oregon, 1923. 61 p.*; *Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). Northampton, 1939. 219 p.*

² *Blackmur R. Eleven Essays in the European Novel. New York, 1964. 243 p.*

³ См. об этом: *Pannick G. Richard Palmer Blackmur. Boston, 1981. 168 p.*

⁴ *Jones J. Wayward Skeptic. The Theories of R. P. Blackmur. Urbana; Chicago, 1986. P. 5.*

В отличие от «новых критиков», его интерес распространялся и на проблемы роли поэта в обществе. Критика Блэкмура 1940-х гг. — это социальная критика. Кроме того, Блэкмур касается в своих работах метафизических и этических проблем.

В основе критического метода Блэкмура лежит принцип символического толкования. Блэкмур рассматривает литературное произведение как языковое явление, которое должно пониматься как символ, независимый от личности автора и от мира чистых объектов, способный к самостоятельному творчеству, поскольку дает жизнь собственному значению. Положение о символическом значении Блэкмур разрабатывает в работе «Язык как жест» (1952)⁵; исходя из этого, он характеризует творчество Достоевского.

Одной из задач критики, по мнению Блэкмура, является необходимость представить читателю собственное самосознание критика, а также стимулировать читательское самосознание в акте чтения. Решению этой задачи способствовало представление Блэкмуром литературы как символической драмы, в которой мы все принимаем участие.

Исходя из этих представлений, Блэкмур анализирует романы Достоевского. Так, рассматривая «Преступление и наказание», Блэкмур начинает с анализа ряда воздействий романа на читателя. Первое из них создает впечатление, что читатель участвует в преступлении. Второе — что он вовлечен в процесс раскрытия преступления. Третье — что он постигает, в чем заключается наказание. «Эти три воздействия, — пишет Блэкмур, — соединились в творчестве и искусстве писателя и воспринимаются одновременно. Чтобы осознать их, мы должны восстановить их аналитически»⁶. На уровне первого воздействия анализируются мотивы преступления и логика поведения, соотношенные с опытом читателя и впечатлением, произведенным на него романом. Граница между мыслью и действием стирается в символическом смысле: «Это преступление, которое мы сами не совершили только случайно... Между соблазном (имеется в виду убийство) и поступком не существует расстояния в символическом смысле» (120).

Таким образом, «Преступление и наказание» является одной из имеющих символическое значение историй преступления и насилия: «Если мы посмотрим глубже, то станет ясно, что сама жизнь есть преступление, что страдание есть путь к спасению, к достижению целостности личности. Преступление и наказание было бы таким же большим, даже если бы Раскольников не выходил из комнаты, но воображение требует образов, видение — фабул, а мысль — формул, прежде чем концепции могут быть поняты; это значит, что способности людей не равны их нуждам, люди вынуждены прибегать к вмешательству

---

⁵ *Blackmur R. P. Language as Gesture. New York, 1952. 440 p.*

⁶ *Blackmur R. Eleven Essays in the European Novel. P. 119.* Цитаты даны в авторском переводе. Далее страницы указываются в тексте в круглых скобках.

символов, которые они скорее обнаруживают, чем создают; легче всего символы отыскать в историях насилия или ощущения насилия или обещания насилия» (123).

Интерпретация произведений, предпринятая Блэкмуром, положила начало «объективной» критике, стремящейся рассмотреть произведения Достоевского вне зависимости от его философских, религиозных, политических воззрений. Однако символический подход превращает романы Достоевского в комплекс символических действий и символических ситуаций, которые, очевидно, обедняют художественное содержание, упрощают проблематику его произведений. Ограниченность подобного прочтения произведений Достоевского, вероятно, ощущал и сам критик, поэтому Блэкмур уделяет внимание социальной проблематике произведений Достоевского, а также затрагивает вопросы, связанные с мировоззрением писателя, что обычно находилось вне поля зрения «новой критики».

Для анализа этой проблематики Блэкмур прибегает к использованию символических оппозиций. Так, в статье «Великий инквизитор и вино радости», посвященной противостоянию Христа и Великого инквизитора, Блэкмур выстраивает оппозицию — Numen и MoHa, призванных выразить безнадежный тупик человеческих стремлений. Numen — это человеческий ум, интуиция, инициатива, MoHa — упрямство, глупость, инерция и упорство.

Блэкмур задает вопрос: почему первичный опыт Numen и MoHa становится косным, застывшим в наиболее разработанных культурных формах? Сцена, которую рассматривает Блэкмур, — встреча Алеши и Ивана. Первичный опыт в данном случае — любовь. Инквизитор и Христос представляют две формы любви: любовь, провозглашаемую в форме власти через институты общества, и любовь, проявляющуюся в свободе выбирать собственную судьбу. Любовь Христа, которая может постоянно обновляться, позволяет человеку создавать собственные формы Numen. Любовь Инквизитора исходит из неспособности человека созидать новые формы поведения и поэтому ставит для него эмоциональные и интеллектуальные границы. «Когда человек имеет какую-либо религию, то это означает, что он приспособил ее к общественным институтам, и он будет преследовать тех, кто до сих пор захвачен ею, и находить зло в обновлении первоначального опыта даже в самом себе. Он не хочет вновь пережить хаос в своем сердце. Эта ситуация возникает тогда, когда проявление власти есть единственно приемлемое проявление любви (например, тирания и ревность)» (207). Поэма Ивана касается всего человечества, она проясняет ту мысль, что «только Христос знает, что дар может быть дан еще раз, только человек устанавливает узкие рамки человеческого понимания Бога и думает, что дар дан раз и навсегда. Только наша самонадеянность заставляет нас думать, что любое откровение дано полностью и что оно всегда под рукой; в этом случае мы относимся к нему как к своей собственности»

(208). Почему это происходит? Все формы Numen становятся безжизненными, когда они противоречат человеческой природе. Личность исчезает в форме, когда форма не отвечает тому, что личность создала бы для себя, если бы ей была предоставлена такая возможность. В последнем эссе, посвященном заключительной части романа, Блэкмур отвечает на общий вопрос выстроенной концепции: как каждый из тех, кто начинает новую жизнь, должен относиться к Numen? Ответ дается на суде Дмитрия. У Дмитрия есть воображение, чтобы остаться в контакте с Numen. Его воображение требует поддержки разума, те новые нормы поведения, которые он создает, сопоставимы с тем новым обществом, которое создается на базе новых форм. На Numen отвечают силой воображения и разума. Дмитрий способен вообразить новую жизнь, и в этой способности заключается ответ на поставленный вопрос.

Для анализа социального содержания романа «Бесы» Блэкмур прибегает к оппозициям порядка и беспорядка. Беспорядок для Блэкмура — это разрушение шаблона, жизненного образца, который придает жизни смысл. Сосуществование порядка и беспорядка в романах Достоевского было одной из главных проблем, интересовавших Блэкмура. У Достоевского, по мнению американского исследователя, человек принципиально лишен целостности, все его герои находятся в хаосе и беспорядке, беспорядочны атмосфера городка и события. «В “Бесах” цель вещей — потерять управляемость, — пишет Блэкмур. — Для Достоевского беспорядок был необходим как предпосылка для обретения веры, для возрождения человека» (169). Блэкмур далее отмечает, что избранная форма романа является наиболее адекватной для того, чтобы отразить существующий беспорядок в обществе.

В статье, посвященной «Преступлению и наказанию», мотивы преступления Раскольникова также анализируются на основе этих двух оппозиций — порядка и беспорядка. Поэтому структуру романа Блэкмур интерпретирует на трех уровнях: первый имеет отношение к нарушению закона, второй — к сокрытию (*envelopment*) беспорядка и третий — «к попытке уравновесить несколько беспорядков, чтобы организовать порядок» (122). История Раскольникова связана с нарушением закона, и на этом уровне, по мнению Блэкмура, мы имеем дело с мелодрамой. Далее Достоевский стремится к прояснению тайн жизни, и это приводит нас ко второму уровню, причем оба процесса происходят одновременно. Третий уровень — поиск баланса между беспорядком и напряжением для того, чтобы создать новый порядок, — Достоевский почти не использует. Блэкмур объясняет это ограниченностью видения Достоевского. Главным препятствием для создания так называемого третьего уровня было православие Достоевского, которое Блэкмур называет примитивным христианством и понимает в духе Вогюэ как религию страдания. Таким образом, Блэкмур намечает оппозицию между мировоззрением художника и его художественным воображением: «Его

взгляд был взглядом примитивного христианина, и это так сильно было в нем, что сделало слепым к чему-либо другому. Для него край пропасти греха был горизонтом спасения верою, а страдание было условием видения и понимания. Грех был преступлением, а страдание, созданное верою, было наказанием» (122).

Как и для большинства критиков и писателей этого периода, православие Достоевского было одной из «неусвояемых» сторон его творчества. Чтобы показать ошибочность намерений Достоевского, Блэкмур прибегает еще к одной оппозиции: западное и православное христианство. Блэкмур противопоставляет христианство Павла, в котором соединились дух и разум, и христианство Достоевского, соединившее дух и чувство.

Блэкмур приходит к выводу, что именно православие заставило Достоевского стремиться к беспорядку и разрушению. «Христианство Достоевского ограничивает возможный порядок, чтобы подчиниться беспорядку, <...> ибо страдание есть условие спасения. По Достоевскому, общество должно быть разрушено, возвращено для того, чтобы спасти» (147).

Православие Достоевского связано с идеей страдания, которую Блэкмур понимает как идею исчезновения личности: «...идиот — это живой образ примитивного христианства, христианства мира, позорно поставленного на колени, ждущего нового унижения» (148).

Однако Блэкмур показывает, как «ошибочность намерений» может привести к художественным открытиям. Блэкмур обращается к проблеме формы произведений Достоевского, используя оппозицию интеллекта и воображения, их участия в работе художника. Так, анализируя роман «Идиот», вслед за многими критиками Достоевского, он говорит о том, что читателю Достоевского приходится преодолевать «трясину формы», чтобы приблизиться к главной теме — «Христа в реальном мире». Объяснение беспорядку, хаосу Блэкмур видит в проникновении тенденциозных идей в повествование, во вмешательстве интеллекта в работу воображения. Итог размышлениям о художественной форме произведений Достоевского Блэкмур подводит в эссе, посвященном «Братьям Карамазовым». Он приводит слова Г. Джеймса о романах Достоевского, которые напоминают бесформенные чудовища, и подчеркивает разительное отличие формы романа у Достоевского и Джеймса. Блэкмур отмечает, что форма романа, созданная Достоевским, соответствует новому опыту и новому знанию, которое только в такой форме могло быть и выражено. «Мы довели до зрелости форму романа, — рассуждает Блэкмур, — возможно, жертвуя при этом воображением. Следовательно, существует нечто юношеское в отсутствии щедрости и великодушия даже среди самых талантливых современных английских и американских писателей: формы, которые они используют, не соответствуют нашему видению и нашим интересам, чтобы показать нам другую психологию и дать теоретическую форму

жизни или по крайней мере для того, чтобы принять или отвергнуть наш опыт» (193).

Интерпретация, предложенная Блэкмуром, имеет свои сильные и слабые стороны. С одной стороны, она сместила фокус на изучение самого текста, положив начало «объективной» критике, что способствовало новому прочтению Достоевского, освоению его открытий как открытий художника. Благодаря Блэкмуру утверждалась американская (насколько американским явлением была «новая критика») традиция прочтения. Ученый затронул многие проблемы творчества Достоевского, которые в последующие десятилетия разрабатывались в американском литературоведении: проблемы метода, формы, юмора у Достоевского и т. д.

С другой стороны, изучение творчества Достоевского вне контекста эпохи и традиции приводит к очевидному искажению взгляда критика. Если возможна свобода толкования символов, то провозглашаемая объективность неизбежно заменяется субъективизмом, научное толкование превращается в искусство интерпретации, описание становится творчеством, а критик — соавтором. Следует отметить, что поэтический, даже нарочито затемненный стиль изложения требует от читателя определенных навыков понимания. Очевидно, метод, используемый Блэкмуром, ставит читателя в зависимость от критика, восприятие которого, в свою очередь, сформировано предыдущей европейской традицией от Вогюэ и Джеймса до Жида. Множество верных наблюдений, сделанных Блэкмуром, теряет свою ценность, когда произведения утрачивают ту почву, на которой они выросли.

Заслуга «новой критики» состоит в том, что она выдвинула на первый план в изучении творчества Достоевского вопросы поэтики; и этот интерес к поэтике не случаен, он в самой природе «новой критики». Однако, как мы видим, творчество Достоевского не могло быть уложено в прокрустово ложе «новой критики», и чтобы описать сложнейшую проблематику произведений Достоевского, Блэкмур должен был обратиться к вопросам, которые «новая критика» намеренно избегала; таким образом интерпретация текста воздействовала на критику.

Статьи Блэкмура являлись первой значительной работой по поэтике Достоевского в Соединенных Штатах Америки, оказавшей существенное влияние на дальнейшие американские исследования творчества Достоевского. В том числе они положили начало диалогу «новой» и «старой критики»⁷, — специфически американскому явлению в вос-

---

⁷ «Старая критика» (old criticism) (определение Д. Стайнара) ставила своей целью вписать творчество Достоевского в широкий исторический и литературный контекст и была представлена компаративистскими работами: *Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol. Cambridge, Massachusetts, 1965. 307 p.*; *Passage C. Dostoevsky the Adapter: A Study of Dostoevsky's Use of The Tales of Hoffman. Chapel Hill, 1954. 203 p.*; *Westbrook P. The Greatness of a Man: An Essay on Dostoevsky and Whitman. New York, 1961. 176 p.*; *Rowe W. Dostoevsky: Child and*

приятии и изучении Достоевского. Об этом диалоге пишет в предисловии к книге «Толстой или Достоевский» 1996 г. издания Д. Стайнер, считавший свое исследование ответом «новой критике»: «...наблюдая за тем, что “новая критика” только поверхностно касается таких господствующих жанров, как драма и роман, мне пришла мысль определить и дать пример “старой критики”. Под этим я подразумевал такой подход к интерпретации и критике, который бы принимал во внимание и свойственный “новой критике” подчеркнутый интерес к детали, двусмысленности, к конструированию литературных форм, но который бы восстановил идеологический и исторический контекст, действительные социально-экономические компоненты литературного производства, экзистенциальную идентичность автора, и сверх того — метафизический и теологический план, давший нашей литературе понятие о каноне»⁸.

Диалог «новой» и «старой» критики сыграл важную роль в осмыслении творчества Достоевского в 1940–1950-е гг. Благодаря исследованиям были сняты некоторые барьеры в восприятии Достоевского, утверждался интерес к поэтике произведений писателя. Все это вело к более глубокому пониманию творчества Достоевского, особенностей жанра, метода, формы, а также проблематики его произведений.

Библиографический список

- Blackmur R.* Eleven Essays in the European Novel. New York, 1964. 243 p.
Blackmur R. P. Language as Gesture. New York, 1952. 440 p.
Davenport M. The Vogue of F. Dostoevsky in England and the United States. Eugene, 1923. 61 p.
Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol. Cambridge, Massachusetts, 1965. 307 p.
Jones J. Wayward Skeptic. The Theories of R. P. Blackmur. Urbana; Chicago, 1986. 216 p.
Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). Northampton, 1939. 219 p.
Pannick G. Richard Palmer Blackmur. Boston, 1981. 168 p.
Passage C. Dostoevsky the Adapter: A Study of Dostoevsky's Use of The Tales of Hoffman. Chapel Hill, 1954. 203 p.
Rowe W. Dostoevsky: Child and a Man in His Works. New York; London, 1969. 242 p.
Steiner G. Tolstoy or Dostoevsky: an Essay in the Old Criticism. New Haven; London, 1996. 386 p.
Westbrook P. The Greatness of a Man: An Essay on Dostoevsky and Whitman. New York, 1961. 176 p.

---

a Man in His Works. New York; London, 1969. 242 p.; *Steiner G.* Tolstoy or Dostoevsky: an Essay in the Old Criticism. New York, 1959. 386 p.; и др.

⁸ *Steiner G.* Tolstoy or Dostoevsky: an Essay in the Old Criticism. New Haven; London, 1996. P. XII.

R. BLACKMUR ON DOSTOEVSKY: FEATURES OF RECEPTION

The article discusses the peculiarities of reception of F.M. Dostoevsky's creative work by the American literary critic R. Blackmur in the context of the development of the ideas of "new criticism" in American studies of Dostoevsky in 1940–1950. In Russian literary criticism such an analysis was undertaken for the first time. It studies Blackmur's critical method, his use of symbolic interpretation and symbolic oppositions, focusing on aberrations occurring in the process of interpreting Dostoevsky's novels. The article shows the significance of R. Blackmur's works for Dostoevsky's studies in the USA and their influence on the American perception of the Russian writer.

Key words: F.M. Dostoevsky, new criticism, old criticism, critical reception, R. Blackmur, aberration, symbolic oppositions.

References

- Blackmur R. *Eleven Essays in the European Novel*. New York, 1964. 243 p.
- Blackmur R. P. *Language as Gesture*. New York, 1952.
- Davenport M. *The Vogue of F. Dostoevsky in England and the United States*. Eugene, 1923. 61 p.
- Fanger D. *Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol*. Cambridge, Massachusetts, 1965. 307 p.
- Jones J. *Wayward Skeptic. The Theories of R. P. Blackmur*. Urbana; Chicago, 1986. 216 p.
- Muchnic H. *Dostoevsky's English Reputation (1881–1936)*. Northampton, 1939. 219 p.
- Pannick G. *Richard Palmer Blackmur*. Boston, 1981. 168 p.
- Passage C. *Dostoevsky the Adapter: A Study of Dostoevsky's Use of The Tales of Hoffman*. Chapel Hill, 1954. 203 p.
- Rowe W. *Dostoevsky: Child and a Man in His Works*. New York; London, 1969. 242 p.
- Steiner G. *Tolstoy or Dostoevsky: an Essay in the Old Criticism*. New Haven; London, 1996. 386 p.
- Westbrook P. *The Greatness of a Man: An Essay on Dostoevsky and Whitman*. New York, 1961. 176 p.